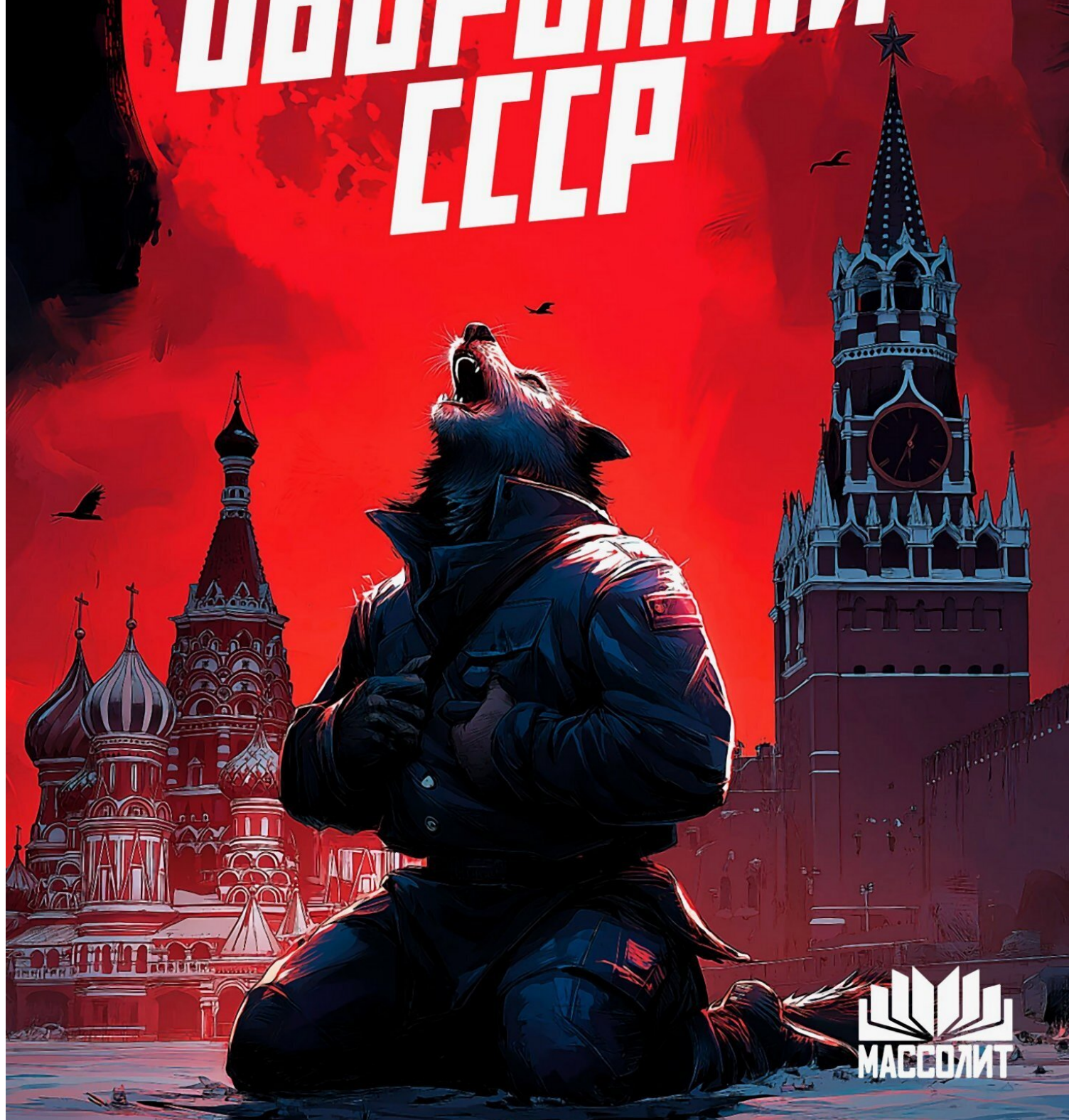

АНТОН БАРХАНОВ

ТАЙНЫЕ ОБОРОТНИ СССР

Антон Барханов

Тайные оборотни СССР

«Массолит»

2026

Барханов А.

Тайные оборотни СССР / А. Барханов — «Массолит», 2026

ISBN 978-5-6056950-2-8

1937 год, апогей Сталинских репрессий. Жена несправедливо обвинённого академика Бармалеева Елена в попытке спасти мужа выходит на тайное общество, раскрывающее ей правду о ситуации в стране: на самом деле верховные посты НКВД занимают не люди, а древние существа, питающие своё бессмертие человеческой кровью. Елена присоединяется к тайному сопротивлению, её под прикрытием вводят в круги проституток НКВД с миссией раскрыть планы врага. Однако становится очевидно, что руководство тайного общества тоже не чисто на руку, и, может статься, что за ним стоит ещё более древнее и могущественное зло. Сможет ли Елена выжить, спасти мужа и показать обществу правду?

ISBN 978-5-6056950-2-8

© Барханов А., 2026

© Массолит, 2026

Содержание

Глава 1. Арест академика	5
Глава 2. Странные слухи	8
Глава 3. Собрание тех, кто «знает больше»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Антон Барханов

Тайные оборотни СССР

Глава 1. Арест академика

Ночь началась обычно и ничем не отличалась от многих предыдущих.

Елена убрала со стола посуду после позднего чая, муж ещё раз посмотрел какие-то записи в тетради и аккуратно закрыл её, положив сверху очки. Квартира была тихой. За окном слышались редкие шаги, далёкий звук проезжающих машин и глухой шум города, который давно уже стал фоном.

Академик Бармалеева, как его называли в институте, выглядел усталым, но спокойным. Он сказал, что завтра у него снова заседание, какие-то обсуждения, и лучше бы лечь пораньше. Елена кивнула. Это был привычный разговор, они говорили подобное почти каждый вечер.

Когда они легли спать, казалось, что день завершился. Свет погас, и в комнате стало темно. Часы на стене тихо тикали, за стеной кто-то передвинул стул, потом всё затихло.

Стук в дверь раздался внезапно.

Он был не очень громким, но настойчивым. Несколько ровных ударов, затем пауза, потом снова. Елена сначала решила, что кто-то ошибся дверью, но муж уже поднялся с кровати и смотрел в сторону коридора. Его лицо изменилось. Он, казалось, сразу понял, что это значит.

– Ложись, – автоматически сказал он, но сам уже натягивал халат.

Стук повторился, на этот раз с голосом:

– Откройте. НКВД.

Голос был ровным, без крика, как дежурная фраза.

Елена тоже поднялась. Сердце забилося чаще, но она ещё пыталась удержаться за мысль, что это недоразумение, что, может быть, соседи, что-то ещё. Но фамилия мужа, которую пронесли через дверь, уже не оставляла вариантов.

Он подошёл к двери и, не глядя на неё, ещё раз повернулся к Елене.

– Всё нормально, – тихо сказал он. – Открою. Не волнуйся раньше времени.

Это было формальное успокоение, потому что ничто в его голосе не звучало уверенно.

Он открыл дверь.

В коридоре стояли двое в шинелях и фуражках. Лица обычные, без лишних выражений. В руках у одного папка, у другого – ничего. За их спинами виднелась тёмная лестничная площадка и тусклая лампочка под потолком.

– Гражданин Бармалеева? – спросил тот, что с папкой.

– Да, – ответил муж.

– Пройдёте с нами. На несколько вопросов. Возьмите документы.

Тон был стандартным. Не угрожающим, но и не дружелюбным. Звучало так, будто это обычная процедура.

– Можно узнать... – начал академик, но его перебили:

– На месте всё объяснят. Не создавайте затруднений.

Елена стояла немного позади и смотрела на них. Она чувствовала, что должна что-то сказать, но подходящих слов не было. Всё происходило как будто по заранее написанному сценарию, в котором для неё не оставили текста.

– Можно ему взять пальто, – тихо сказала она. – На улице холодно.

Один из людей в форме коротко кивнул.

– Пальто можно, – сказал он. – Остальное не нужно.

Елена помогла мужу найти пальто, подала ему документы. Их движения были медленными, как будто растянутыми. Академик на секунду задержал взгляд на ней, словно хотел что-то запомнить, потом отвернулся.

– Вы далеко его увозите? – спросила она. – Мне... куда приходить?

– На Лубянку, – сказал тот, что с папкой. – Справки – в приёмной.

Фраза звучала так, будто он произносил её не в первый раз.

Они вышли вместе в коридор, дверь закрылась. Елена слышала, как шаги уходят вниз по лестнице. Потом всё стихло. В квартире стало неожиданно пусто.

Она ещё какое-то время стояла у двери, не решаясь вернуться в комнату. Казалось, что если она откроет сейчас шкаф или посмотрит на стол, всё окажется на месте, и арест просто не уложится в голову.

Ночью она почти не спала. Несколько раз подходила к окну, всматривалась в тёмный двор, будто ожидая, что муж вернётся раньше, чем можно себе представить. Но во дворе ничего не происходило, лишь иногда мимо проходили люди.

Утром Елена решила действовать так, как действовали многие в подобной ситуации.

Она собралась, надела самое простое пальто и отправилась в ту самую приёмную, о которой ей сказали. Перед зданием НКВД уже выстроилась очередь. Люди стояли молча или тихо переговаривались, держа в руках документы, узлы, свёртки с вещами.

Здание казалось тяжёлым и неподвижным. Высокие стены, строгие окна, массивные двери. Ничего необычного, если не знать, что происходит внутри. Но теперь Елена уже знала, что её муж там, пусть даже и не видела его.

Она заняла место в очереди. Время тянулось медленно. Кто-то впереди пытался спрашивать у остальных, что и как, но ответов почти не было. Каждый рассказывал свою историю, но все истории были похожи.

– Сказали, что на несколько вопросов, – говорила одна женщина. – Уже третий месяц.

– У нас тоже ночью забрали, – добавлял кто-то ещё. – По работе вроде бы всё было нормально.

Елена слушала и чувствовала, что её собственная история сливается с этими же фразами. Вскоре это стало просто общим фоном.

Когда она наконец дошла до окошка, всё заняло считанные минуты.

За стеклом сидела женщина в форме, смотрела на всех одинаково. Елена назвала фамилию мужа, его должность, дату ареста. Женщина записала что-то в журнал.

– Сведений нет, – сказала она потом. – Приходите позже.

– Когда именно? – спросила Елена. – Через день? Через неделю?

– Приходите по четвергам, – стандартно ответили ей. – Следующий – через семь дней.

Никаких объяснений больше не последовало. Очередь двигалась дальше, и Елена вынуждена была отойти.

Она вышла на улицу. Было прохладно. Люди вокруг куда-то спешили, кто-то стоял с такой же бумажкой в руках, как у неё. Всё казалось немного однообразным.

В следующие дни она ходила по другим инстанциям. Заходила в институт, где работал муж, надеясь, что там что-то знают. Ей отвечали осторожно. Кто-то говорил, что, наверное, это ошибка. Кто-то, что сейчас «такие времена». Большинство предпочитали не говорить ничего.

В очереди у приёмной НКВД она слышала странные обрывки разговоров. Кто-то шепнул, что «наверху» сидят люди, которые никогда не стареют. Кто-то говорил, что есть особые сотрудники, которые появляются только поздно ночью и исчезают на рассвете. Всё это звучало как обычные слухи, но в общей атмосфере они запоминались.

Однажды, стоя в очереди, она подняла глаза на окна здания и заметила странную деталь.

В одном из окон, высоко, отражался внутренний свет лампы и силуэт человека. Но тень казалась немного неправильной: плечи были слишком широкими, голова – чуть вытянутой, как

будто стекло искажало форму. Она моргнула, и всё вернулось к нормальному виду. Обычный силуэт, обычное окно.

Елена решила, что это просто игра света и усталости.

Она вернулась домой к вечеру. Квартира встречала её тишиной. На столе всё ещё лежала тетрадь мужа, очки аккуратно лежали рядом. Она не стала её открывать, просто провела рукой по обложке и убрала в ящик.

В тот день она в первый раз подумала, что обычных объяснений может быть недостаточно. Но мысль была не оформлена. Она просто отметила про себя, что вокруг слишком много непонятного, и пока никто не стремится ей что-то объяснить.

Пока что её жизнь сводилась к очередям, коротким ответам «сведений нет» и пустой квартире, в которой одну вещь за другой начинали напоминать о том, что вчера всё было как всегда, а сегодня всё уже иначе.

Глава 2. Странные слухи

Следующие дни почти сразу слились для Елены в однообразную цепочку.

Утром она вставала, делала простой завтрак, который чаще всего так и оставался почти нетронутым, одевалась в одно и то же тёмное пальто и отправлялась к зданию НКВД. Дорога была уже знакомой: одни и те же перекрёстки, те же витрины, те же люди на остановках. Казалось, что город живёт своей обычной жизнью, только отдельные люди из него исчезают, и их места быстро занимают другие.

У здания почти всегда уже стояла очередь. Люди приходили рано, но кто-то приходил ещё раньше. В руках у многих были аккуратно сложенные бумажки с фамилиями, датами, иногда с короткими записками. Некоторые приносили узлы с вещами для передач, хотя далеко не всем удавалось их передать.

Елена занимала своё место и стояла, как и остальные. Вначале она пыталась спрашивать, как всё устроено, но вскоре поняла, что общая схема везде одна и та же. Надо назвать фамилию, ждать, услышать «сведений нет» и идти домой до следующего раза.

Разговоры в очереди постепенно становились её единственным источником информации. Сначала люди обсуждали только конкретные случаи: у кого кого забрали, кто сколько ждёт ответа, кому удалось узнать хотя бы номер дела. Но постепенно начали появляться и другие темы.

Одна пожилая женщина как-то сказала:

– У нас в районе один начальник. Его ещё моя мать помнит по старым собраниям. Тогда он молодой был, а сейчас такой же, только волосы по-другому зачёсаны. Ни морщины лишней.

Кто-то ей не поверил, кто-то отмахнулся, но история запомнилась. На следующий день другая женщина, помоложе, рассказала, что где-то видела старую фотографию, на которой начальник отдела выглядел почти так же, как сейчас, хотя снимку будто бы уже много лет.

Один мужчина с худым лицом понизил голос и сказал:

– Тут есть особые. На них акты не пишут, они как будто сами по себе. Они приходят только ночью, их днём никто не видит. Все думают, что они люди, а они как тени.

Елена слушала эти слова и не знала, как к ним относиться. С одной стороны, в очередях люди часто преувеличивали и додумывали. С другой стороны, слишком много раз она слышала похожие формулировки про тех, кто «не стареет» и «ходит только ночью».

Однажды, стоя в очереди, она снова подняла глаза на здание. Не потому, что что-то там ожидала увидеть, а просто машинально. В одном из окон верхнего этажа горел свет. На фоне окна на секунду промелькнула фигура, но она показалась ей странной: слишком вытянутой и как будто немного согнутой в неправильном месте. Линия плеч была непривычной формы, голова казалась немного вытянутой вверх.

Елена моргнула, и силуэт сразу стал обычным. Возможно, в это же окно подошёл другой человек, а может быть, просто изменился угол света. Она сама объяснила себе это игрой отражений и усталостью от долгого стояния.

Очередь двигалась медленно. Когда она дошла до приёмного окна, всё повторилось почти дословно. Она назвала фамилию мужа, дату ареста, должность. Женщина за стеклом посмотрела в журнал, что-то проверила, вздохнула и сказала:

– Сведений нет. Приходите в следующий четверг.

– Но его уже забрали больше недели назад, – осторожно напомнила Елена. – Может быть, хотя бы номер дела есть?

– Я уже сказала, – сухо ответила женщина. – Следующий четверг. Освободите окно.

Елена отошла. На улице был прохладный ветер, небо было серым, как будто немного смазанным. Она медленно направилась в сторону дома, обдумывая, не попробовать ли ещё

какие-то инстанции. Но вариантов почти не было. Везде всё упиралось в те же слова: «идите в приёмную, там вам скажут».

На третий или четвёртый такой день рядом с ней в очереди оказался невысокий мужчина в потёртом пальто. Лицо обычное, волосы немного растрёпанные, взгляд внимательный, но не навязчивый. Сначала он стоял молча, а потом, когда очередь слегка сдвинулась, неожиданно обратился к ней по имени:

– Елена Николаевна?

Она удивлённо посмотрела на него.

– Мы знакомы? – спросила она.

– Не совсем, – спокойно ответил он. – Но я знаю о вас и о вашем муже. Академик Бармалеев, верно?

Елена насторожилась. Она не понимала, откуда у него такая информация.

– Откуда вы... – начала она, но он чуть поднял руку, показывая, что не стоит громко говорить.

– Не здесь, – тихо сказал он. – В очереди лишние уши. Просто выслушайте. Вы можете ходить сюда ещё много недель и каждый раз слышать «сведений нет». Это обычная схема. Но есть люди, которые собирают другие сведения. Там иногда говорят больше.

Он сделал вид, что смотрит вперёд, будто просто отмечает движение очереди, а потом едва заметно двинул кистью, словно что-то передавая. В его ладони была сложенная бумажка.

– Возьмите, – так же спокойно произнёс он. – Адрес. Сегодня вечером. Если не хотите – просто выбросьте. Если хотите понять, что с вашим мужем и что вообще здесь происходит, приходите. Не одни вы задаёте вопросы.

Елена какое-то время медлила, но всё-таки взяла бумажку и быстро спрятала её в карман. Движение вышло неловким, но в очереди и так все были заняты собой.

Мужчина больше ничего не сказал. Через несколько минут его очередь подошла, он назвал какую-то фамилию, выслушал стандартное «сведений нет» и ушёл, не оглядываясь.

По дороге домой Елена чувствовала бумажку в кармане, как маленький тяжёлый предмет. Несколько раз ей хотелось просто выбросить её в урну и не усложнять себе жизнь. Официальных способов добиться правды было и так немного, а неофициальные могли привести к ещё большим проблемам.

Дома она всё же развернула бумажку. Там был аккуратный адрес, написанный понятным почерком, и короткая фраза: «Собрание для тех, кто хочет знать больше». Ни фамилий, ни объяснений, ни намёков на то, кто именно приглашает.

Елена долго ходила по квартире. Взгляд каждый раз возвращался к пустому стулу мужа, к ящику, где лежала его тетрадь, к кровати, на которой теперь спала только она. Официальные ответы не появлялись. Очереди приносили лишь новые слухи и те же самые слова от чиновников.

Вечером, когда на улице уже начинало темнеть, она всё-таки надела пальто, ещё раз посмотрела на бумажку и тихо вышла из дома. Адрес, который ей дали, находился не так далеко, в одном из старых жилых кварталов. Она решила, что хотя бы узнает, что это за место. В любой момент она могла передумать и вернуться, но пока шла вперёд, шаги сами собой становились ровнее.

По дороге она думала о том, что, возможно, это просто кружок таких же отчаявшихся людей, как она. А может быть, и нет. В любом случае, обычные способы уже почти исчерпались, и оставалось либо ждать, либо рискнуть и послушать тех, кто обещал «объяснить больше».

Глава 3. Собрание тех, кто «знает больше»

Дом по указанному адресу оказался обычным.

Невысокие этажи, потемневшая штукатурка, подъезд с тяжёлой дверью. Во дворе стояли такие же дома, окна были слабо освещены. Всё выглядело привычно для Москвы конца 30-х годов: ничего в этом месте особо не выделялось.

Елена ещё раз сверилась с бумажкой, спрятала её обратно в карман и вошла в подъезд. Лестница была узкой, с каменными ступенями. На стенах виднелись следы старой побелки и редкие объявления. Она поднялась на нужный этаж и остановилась у двери, номер которой был записан в пригласительной записке.

Некоторое время она просто стояла, не решаясь постучать. Мысли были простыми: можно развернуться и уйти, можно сделать вид, что она просто ошиблась адресом. Но в итоге она всё-таки тихо постучала.

Через несколько секунд за дверью раздались шаги. Замок провернули, дверь приоткрылась. На пороге стоял тот самый невысокий мужчина в потёртом пальто, которого она видела в очереди.

Теперь пальто он снял, был в простой рубашке и жилете. Лицо осталось таким же внимательным и спокойным.

– Рад, что вы пришли, Елена Николаевна, – сказал он. – Проходите.

Он отступил в сторону, пропуская её внутрь. Она вошла в небольшую прихожую, сняла пальто, повесила его на крючок. Мужчина указал рукой на дверь в комнату.

– Там уже собрались, – сказал он. – Мы ждём ещё пару человек, но начинать можно и без них.

Комната была обычной: стол, несколько стульев вдоль стен, пара книжных полок. На столе стоял чайник, несколько стаканов, тарелка с простыми сухарями. У окна сидели двое мужчин и одна женщина. Все были одеты скромно, лица – самые обычные, без особых примет.

Когда Елена вошла, они посмотрели на неё с интересом, но без лишнего внимания. Никто не стал задавать вопросов вслух.

– Елена Николаевна, – представил её мужчина из очереди, – это наши товарищи. Можно пока без имён. Мы здесь не ради формальностей.

Потом он повернулся к ней:

– Меня можете звать просто Михаил. Этого достаточно.

Она кивнула.

– Садитесь, – предложила женщина у окна, чуть придвинув стул. – Сейчас Михаил объяснит, почему вы здесь.

Елена села. Чай ей предложили, но она отказалась, чувствуя, что пока не готова к спокойным бытовым жестам.

Михаил встал ближе к столу, облокотился на его край и заговорил ровным голосом, словно повторяя уже не первый раз одну и ту же речь:

– Вы пришли сюда не потому, что вам нечего делать вечером, – начал он. – Вашего мужа арестовали. Вы ходите по инстанциям, слышите одно и то же. В очереди слышите слухи. Про тех, кто не стареет. Про тех, кто появляется только ночью.

Он сделал небольшую паузу.

– Для большинства это остаётся просто слухами. Люди привыкли объяснять всё «такими временами». Но есть вещи, которые повторяются слишком часто и слишком похоже, чтобы считать их просто фантазиями.

Елена слушала молча. Пока он говорил только то, что она и сама уже заметила.

– Мы называем себя обществом, – продолжил Михаил. – Не официально, конечно. Нас немного. Мы собираем сведения о том, что происходит в верхних слоях НКВД. И мы давно пришли к выводу, что там есть те, кто не совсем... обычные люди.

Слово «необычные» прозвучало мягко. Не было ни пафоса, ни мистики.

Один из мужчин у окна вставил:

– Мы не говорим, что это какие-то сказочные чудовища. Мы лишь видим закономерности. Одни и те же люди на фотографиях с разницей в двадцать, тридцать лет. Одни и те же фамилии в отчётах, только инициалы меняются. Не бывает такого в обычной жизни.

Михаил кивнул.

– Мы называем их условно «древними», – сказал он. – Не потому, что точно знаем, откуда они. Просто потому, что их присутствие прослеживается в документах слишком давно. Ещё до нынешней власти, ещё до революции. Они всё время где-то рядом с органами, которые решают, кто будет жить, а кто исчезнет.

Елена подумала о том, что похожие истории она уже слышала в очереди, только в более грубой форме. Здесь это звучало чуть упорядоченнее.

– Откуда вы это знаете? – наконец спросила она. – У вас есть доказательства, кроме слухов?

Михаил не обиделся на прямой вопрос. Он подошёл к одной из полок, достал оттуда несколько папок и положил на стол.

– Это копии, – пояснил он. – Настоящие документы мы не храним у себя, чтобы не создавать лишних рисков. Здесь вырезки из газет, фотографии, копии служебных списков. Вот, например.

Он раскрыл одну папку. На столе оказалось несколько фотографий. На одной – группа людей в форме начала века, с подписью о каком-то совещании. На другой – уже советское руководство, годы позже. В центре обоих снимков стоял человек с похожими чертами лица. Разница во времени по подписи была больше двадцати лет, но возраст на лице почти не менялся.

– Может, ошибка, – сказала Елена. – Похожий человек, родственник.

– Мы думали и об этом, – спокойно ответил Михаил. – Но когда таких совпадений десятки, а фамилии всплывают в разных вариантах написания, в разных должностях, но с одним и тем же кругом полномочий, это уже выглядит как система. Мы не утверждаем, что знаем всю правду. Но знаем, что речь идёт не просто о карьерном росте отдельных людей.

Женщина у окна добавила:

– Есть ещё отчёты о так называемых «закрытых ночных процедурах». Обычно их обозначают нейтрально, но если сопоставить даты, видно, что после них в тюрьмах исчезают группы заключённых без следа. И не всегда это вписывается в привычные списки расстрелов или этапов.

Михаил снова взял слово:

– Мы понимаем, как это звучит. «Древние существа», «особые». Легко списать нас на людей, которые увлеклись теориями. Но мы работаем с фактами. И мы видим, что есть определённый круг лиц, которые регулярно присутствуют там, где принимаются самые жёсткие решения, и сами при этом не исчезают из системы десятилетиями.

Елена задумалась. С одной стороны, она не была склонна верить в мистику. С другой – обычные объяснения тоже не работали. Её муж, которого можно было считать полезным для науки человеком, исчез за одну ночь. И никто не считал нужным даже объяснить, в чём его обвиняют.

– И при чём здесь я? – спросила она. – Я просто жена арестованного. Я не работаю ни в НКВД, ни в институте власти.

Михаил посмотрел на неё ровно.

– Как раз потому, что вы «просто жена», – ответил он. – У вас нет официального положения, но у вас есть мотив. Вы хотите знать, где ваш муж. Вы уже ходите по коридорам, вы уже стоите в очередях, на вас никто не будет смотреть как на угрозу. А у нас есть информация, которая может вам помочь, если вы поможете нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.